

Сумерки чтения и чтение «Сумерек», Или как привлечь молодёжь к серьёзной литературе

Соснин Евгений Викторович,
ведущий библиотекарь,
Новосибирская областная юношеская библиотека.
Новосибирск

Одной из актуальных проблем библиотечного дела в последние годы стала проблема привлечения молодёжи к чтению книг, возникшая в результате компьютеризации культуры. Разрушение системы образования усугубляет ситуацию, поскольку подрастающее поколение, даже если и берёт в руки книгу, переключается в основном на фантастику и прочую массовую литературу, теряя всякий интерес к литературе отраслевой, требующей определённого уровня образования и навыков чтения.

В связи с этим нами была разработана методика, направленная на привлечение молодёжи к чтению серьёзных книг через анализ литературы, распространённой, прежде всего, в молодёжной среде. Она предполагает анализ популярной книги на широком культурно-историческом фоне с использованием специальной литературы, посвящённой той же проблематике. Методика использовалась на факультативах, проводившихся в течение нескольких лет на базе школ и вузов (Новосибирский государственный технический университет) и давала определённые результаты, поскольку в каждой группе школьников и студентов находились ребята, отправлявшиеся в самостоятельный поиск на базе изученного материала.

Предлагаемая вниманию специалистов статья иллюстрирует внедряемую методику на примере фантастической саги С. Майер «Сумерки».

Роль книги и чтения в формировании исторической и культурной памяти

Письменность и книги – настолько древнее изобретение, что иногда нам начинает казаться, что они – нечто само собой разумеющееся и существовали всегда, и всегда будут, а в истории любого народа обязательно должен наступить этап, когда появляется письмо, и опыт, накопленный поколениями в изустной форме, фиксируется в книгах. Но наука говорит об обратном. Письменность возникла с развитием классового общества и, по меркам истории человечества, явление довольно молодое. Для сравнения вспомним, что начало духовной культуры относят к мустьерскому периоду, когда появился развитый неандерталец, умевший пользоваться огнём и размышлявший о жизни и смерти, а это – 80 тыс. лет назад, в то время как первая развитая письменность – древнеегипетская иероглифика – возникла лишь в 4-ом тысячелетии до н.э., а первая надпись алфавитным письмом, где отдельно обозначались гласные, была сделана в VIII веке до н.э. Книги же и того моложе.

Десятки тысяч лет люди жили, храня накопленный опыт в своей памяти и передавая его из уст в уста. Само человеческое мышление формировалось в условиях устной традиции, порождая особый тип восприятия событий – Циклический. При таком восприятии события настоящего виделись эманацией некоего исходного события в прошлом, деяния предков, которому должен подражать всякий член коллектива. Повторение когда-то уже совершённых действий способствовало прочному закреплению трудовых навыков и рождало чувство единства с предками: «Я поступаю, как предок,

значит, я и есть предок». Собираясь у домашнего очага, старейшины рассказывали родовые предания и семейные легенды, и духи умерших незримо присутствовали среди живых. Прошлое было рядом.

Строгая последовательность знаков при письме произвела в сознании настоящий переворот, сформировав причинно-следственные связи и научив людей видеть перспективу. Они почувствовали глубину времени, а возможность взглянуть на свои мысли «со стороны» позволила им обнаружить соотношения и закономерности, до этого ускользавшие от внимания. Так возникло самосознание, отличающее людей от животных. Так возникла история. Так возникла наука. Об этом весьма подробно и обстоятельно писал канадский литературовед, социолог и культуролог Маршалл Мак-Люэн (1911-1980): «Линейное, алфавитное письмо сделало возможным изобретение «грамматик» мысли и науки древними греками. Эти грамматики, или артикулированное выражение индивидуальных и социальных процессов, представляли собой визуализацию не визуальных функций и отношений» [16]. Ту же мысль высказывает и современный норвежский антрополог Т.Х. Эриксен: «Язык полностью отделяется от речи, овеществляется. Можно критически оценить идеи, можно вернуться назад и посмотреть, что сказал автор на предыдущей странице, а также в тишине и спокойствии поразмышлять над его внутренней логикой. Возникновение логики... тесно связано с техникой письма» [25]. В условиях же укрупнения коллективов и образования централизованного многонационального государства письменное наследие, воплощённое в книге, становится нитью Ариадны, ведущей человека к истокам национальной культуры, а в случае разрыва традиции человек, лишённый родины, оторванный от народа, именно через книгу восстанавливает утраченные связи, сохраняя культурную и национальную идентичность.

Но это не отменило устной традиции. Человеческая память, формировавшаяся тысячелетия в условиях Циклического восприятия, оказалась тесно связанной с коллективом и культурой. Согласно французскому социологу М. Хальбваксу и немецкому египтологу Я. Ассману, даже индивидуальная память человека опосредована общественно-исторической практикой и является частным случаем памяти культурной [2]. Вплоть до распространения книгопечатания книжная традиция в Европе сохраняла тесную связь с устной: читали только вслух, религиозные истины передавались изустно, через проповедь, а «писатель и его аудитория были физически связаны формой публикации как исполнения» [16].

Отечественная же культура сохраняла устный характер до XX века [16]. Это нашло своё отражение в таком явлении, как коллективные чтения в библиотеках, школах (на внеклассном чтении), изостудиях и семьях (причём, не только традиционное чтение «сказки на ночь», но и чтение в тесном семейном кругу). Подобная традиция всячески пропагандировалась и поощрялась властью (достаточно вспомнить рассказ Н.Н. Носова «Дружок», где главные герои в электричке всю дорогу читают наизусть стихи).

Диалектическое единство устного и письменного в книге, особенно в рукописной книге, обеспечивало единство людей и их тесный эмоциональный контакт даже в условиях огромного города, где в большинстве своём люди друг друга не знают. Но теперь это единство в значительной мере расшатано массовым внедрением компьютеров и информационных технологий, выявившим такие особенности живой настоящей книги, которые раньше не осознавались.

Сама по себе письменность уже ведёт к некоторому отчуждению людей, о чём писал психиатр Дж.К. Каротерс: «Когда слова обретают письменную форму, они... почти полностью утрачивают элемент личной обращённости, так как слышимое слово обычно направлено на тебя, в то время как видимое слово этого лишено... Они теряют те эмоциональные обертоны и ту выразительность, которые были описаны, например, Монрад-Кроном...» [16]. Увеличение же потоков информации, связанное с увеличением

скорости её передачи, привело к развитию так называемого «быстрого чтения», при котором человек не успевает осознать и переварить прочитанное, «поднимаясь из глубины на поверхность» восприятия. Его мышление становится поверхностным. Нелинейность информационных систем и возможности текстового редактора разрушают строгую последовательность в создании и восприятии текста, что приводит к распаду в сознании человека причинно-следственных связей [25]. Живая книга, состоящая из вполне осязаемых листов, переплетённых в объёмный том, заменяется на электронный документ, где набранный стандартным компьютерным шрифтом текст разбит на виртуальные страницы, которые высвечиваются на плоском экране и никак не связаны. Это вызывает на подсознательном уровне ощущение виртуальности, иллюзорности текста, усиливая поверхностность восприятия. Кроме того, персональные компьютеры и Интернет вынуждают людей сутками проводить время в одиночестве за монитором, доступность электронных книг снимает необходимость посещать библиотеки и даже собираться вместе, чтобы почитать вслух книжку. Британский социолог З. Бауман назвал последствия всеобщей информатизации девальвацией места. «Оплата доступа к киберпространству по расценкам местного телефонного тарифа ознаменовала смертный приговор общинной автономии... Сотовый телефон, предлагающий независимость даже от кабельных сетей и разъемов, нанёс завершающий удар по тем претензиям на духовную общность, которые могла бы предъявить пространственная близость» [5]. А поскольку библиотека, как храм, где хранится материализованная в книгах память о прошлом, неотделима от реального пространства, то девальвация места создаёт серьёзную угрозу её существованию.

Всё это разрушает специфические черты Человека Разумного, приобретённые в результате долгой эволюции, лишает нас возможности объективно оценивать свои действия, анализировать Прошлое и на основании этого анализа просчитывать ближайшие и дальнейшие перспективы, то есть, по сути, уничтожает культурную память и науку, которые в условиях высокой сложности современной цивилизации только и могут обеспечить выживание человечества.

Кроме того, вышеозначенные процессы приводят и к серьёзным проблемам в социальной сфере, поскольку разобщённые молодые люди всё чаще сталкиваются с непониманием, одиночеством и отсутствием поддержки в самые трудные моменты своей жизни. Пресловутая независимость, к которой так стремится современный человек, зачастую оборачивается разрушением элементарных связей, именованных в русской культуре узами, т.е. оковами: узы брака, дружбы, долга – всё это замещается свободой, понимаемой очень широко вплоть до своеволия и отсутствия всяких обязательств перед кем бы то ни было, хотя в своё время Э. Фромм отмечал, что необходимо различать два типа свободы: свободу для (духовного совершенствования) и свободу от (всех и вся) [22].

Массовая литература и серьёзные книги. Обычно мы свысока смотрим на современную массовую литературу, справедливо обвиняя её в низкопробности, отсутствии глубины содержания и потакании примитивным вкусам. Но в действительности границы между серьёзным и несерьёзным весьма подвижны, и не всякая плохо написанная вещь бессодержательна. Напротив, именно примитивность формы зачастую компенсируется обращением к самым сильнодействующим образам, способным возбуждать наш интерес и приковывать взгляд. Эффект, который оказывают на наше сознание эти популярные образы, объясняется их древностью и связью с глубинными уровнями нашего подсознания, сформировавшегося в архаическую эпоху.

Это касается не только книг, но и искусства в целом, восприятие которого требует определённого уровня образования и культуры. Традиционные сюжеты и мотивы, персонажи и события воспринимаются без предварительной подготовки гораздо легче,

если они не отягощены своеобразием авторского стиля, глубиной проработки и постановки проблем.

Традиция неразрывно связана с мифологией, фольклором и фантастикой, и в этой плоскости, на наш взгляд, массовая и классическая литературы тесно пересекаются (С. Зенкин даже определяет массовую литературу как «новейшую индустриальную модификацию фольклора» [10]). Реализму, например, «часто свойственно преувеличение, подчёркивание отдельных сторон образа для выражения его существенного содержания... Преувеличение, даже заострение образа до гротеска, если художник стремится выразить сущность содержания, не противоречат реализму и являются обычными приёмами реалистического метода» [4]. Примеров, подтверждающих данный тезис, довольно много, достаточно вспомнить сатирическую прозу М.Е. Салтыкова-Щедрина, но и традиционная фантастика в этом смысле являет нам достаточно серьёзный образец решения острых социальных проблем общества. Романы Ж. Верна знакомили подрастающее поколение с основами научных знаний, Г. Уэллс размышлял о социальном распаде и деградации современного ему общества («Машина времени»), об отношении высокотехнологической цивилизации к традиционным обществам («Война миров») и о личном выборе учёного, владеющего огромными знаниями, дающими ему преимущество перед другими людьми («Человек-невидимка»). Идея последнего романа, кстати, уходит корнями в античную традицию и позаимствована из трактата Платона «Государство», где есть рассказ о волшебном кольце Гига, которое делало своего владельца невидимым (18). Другая знаменитая идея Платона – легенда о Пещере (18) – воплощается не только в эпизоде со стеклянным сосудом в произведении Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок», но и в американском фантастическом боевике «Матрица», объединяя древнюю мифологию, классику и современную массовую культуру.

«Массовая культура занимает промежуточное положение между обыденной культурой, осваиваемой человеком в процессе его социализации, и элитарной культурой, освоение которой требует определённого эстетического вкуса и образовательного уровня» [24]. Подобная преемственность даёт нам возможность приобщать современную молодёжь к серьёзной литературе, используя проверенный метод «от простого к сложному» и говоря с младшим поколением на его языке, тем самым не просто повышая его книжную культуру, но и преодолевая традиционный разрыв между «отцами и детьми». Это позволит познакомить молодых людей с наследием прошлого, не забирая у них близкие сердцу интересы, но обогащая их новыми смыслами.

Метод работы. На первом этапе работы популярное произведение анализируется на предмет мотивов и образов, которые потом рассматриваются на широком историческом и мифологическом фоне с целью выявления преемственности.

В дальнейшем определяется круг классических произведений, реализующих те же мотивы и образы, от древности до наших дней, и уже они предлагаются вниманию слушателей для разбора и обсуждения.

Кроме того, на основании изученного материала проводится реконструкция древних архетипов и предлагаются темы для самостоятельного творчества.

Необходимо отметить, что логические противоречия и странности в ткани повествования, облике героев, описании местности или событий, как говорил Шерлок Холмс, зачастую являются ключом к пониманию сути явления, а не досадной помехой. Особенно это характерно для произведений, напрямую связанных с древними традициями и народной культурой, поскольку элементы материальной культуры прошлого, не исчезают в потоке времени, а превращаются в элементы культуры духовной, соединяясь между собой иногда причудливым образом, ибо реалии, породившие их, давно канули в лету.

Так, например, если у какого-либо персонажа что-то не так с ногой (повреждена, отсутствует, или просто как-то выделяется), значит, он восходит к мифологическим змееподобным существам, символизировавшим тёмный, враждебный человеку мир (например: Баба Яга Костяная Нога русских сказок или одноногий моряк Джон Сильвер из романа «Остров сокровищ») [23]. Если упоминается что-нибудь белое или прозрачное (молоко, стекло, хрусталь), то сюжет возник, скорее всего, ещё в эпоху Великого оледенения, каким бы современным он ни казался.

Это требует повышенного внимания именно к деталям повествования, а на них можно уже построить дальнейший разговор о древних языках и культурах, о традициях и их роли в современной жизни, и, конечно же, о серьёзных книгах, где об этом можно прочитать.

Роман С. Майер «Сумерки». Проиллюстрировать предложенный метод мы бы хотели на примере популярного ныне романа С. Майер «Сумерки», по которому был снят одноимённый фильм. Отношение к этому произведению сильно варьируется в зависимости от читательских вкусов и культурного уровня – от бурных восторгов до полного отрицания, – но именно оно показалось нам самым приемлемым для начала серьёзного разговора об истории литературы и культуры в целом.

Содержание этой так называемой «саги» предельно простое: девочка-подросток по имени Белла Свон приезжает к своему отцу в маленький городишко Форкс, большую часть года укрытый тучами и непогодой. Там она знакомится с загадочным юношей Эдвардом Калленом и весёлым парнем-индейцем Джейкобом Блэком. С первых же дней знакомства Эдвард обнаруживает некоторые странности во внешнем облике и поведении: у него холодная кожа, иногда меняется цвет глаз, он внезапно появляется и исчезает, словно следит за Беллой, а однажды спасает её от неминуемой смерти, остановив рукой машину одноклассника, не справившегося с управлением на обледенелой дороге. Обратившись к старинной книге индейцев-квиллетов и к интернету, Белла понимает, что её приятель – вампир. Вскоре выясняется, что и весёлый Джейкоб тоже принадлежит волшебному народу – он оборотень. На этом фоне разворачивается нехитрая история подростковой любви и всевозможные приключения, диктуемые законами жанра. Обычно «Сумерки» относят к разряду обычных «вампирских» историй с элементами мелодрамы (или к разряду заурядных мелодрам с элементами «вампиричины»), почти неотличимых друг от друга. Но в описании вампиров и оборотней, а также в некоторых деталях любовной драмы есть существенные отклонения от «вампирского канона», которые заставляют задуматься.

Вампиры у С. Майер не боятся солнечного света, но избегают солнца, поскольку в его лучах их бледная кожа начинает мерцать и переливаться, словно усыпанная драгоценными камнями:

«На ярком солнце он выглядел более чем странно... Бледная кожа, слегка покрасневшая после вчерашней охоты, сияла словно усыпанная алмазами. Эдвард неподвижно лежал на траве, а расстёгнутая рубашка обнажала сверкающий мускулистый торс и блестящие руки... Мне казалось, что передо мной статуя, вытесанная из неизвестного людям камня, гладкого, как мрамор, сверкающего, как хрусталь» [Майер «Сумерки», глава 13].

Они обладают огромной физической силой, способны перемещаться с огромной скоростью на любые расстояния:

«– Я самый совершенный хищник на земле, ясно? Тебя привлекает всё: мой голос, грация, лицо, даже запах?... Можно подумать, мне это нужно! – Неожиданно вскочив, Каллен скрылся из вида, а через секунду возник под елью на краю поляны.

– Можно подумать, ты могла бы скрыться! Я бы добился своего и без смазливой физиономии!

Отломив толстую еловую ветку, он быстро обломал ненужные побеги, а потом швырнул в соседнюю сосну с такой силой, что бедное дерево ещё долго качалось, как на сильном ветру» [Майер «Сумерки», глава 13].

Они бессмертны и неуязвимы для любого оружия. Убить их может либо другой вампир, либо оборотень, причём тело вампира нужно разорвать на части и по возможности сжечь, иначе оно быстро регенерирует:

«– Но как? Лоран же вампир! Как вы его убили? Он ведь такой сильный, кожа, словно броня...

– Беллз, для этого и нужны защитники! У нас тоже силы хватает [«Новолуние», глава 13].

Умирая, они рассыпаются на куски, словно сделаны из гипса или глины: «Сет (оборотень – Е.С.) прыгнул вперёд и врезался в белобрысого вампира с силой пушечного ядра. От удара оба улетели в лес, откуда послышался металлический скрежет и вопли Райли. Вопли внезапно прекратились, и раздавался лишь треск раздираемого на кусочки камня... Вернулись они быстро, я ещё не успела прийти в себя. Эдвард нёс охапку останков Райли. Сет держал в зубах большой кусок туловища. Они бросили всё это в уже сложенную кучу, и Эдвард достал из кармана серебристую коробочку. Вспыхнуло пламя газовой зажигалки, и сухая хвоя моментально занялась: длинные языки оранжевого пламени лизнули мёртвые тела.

– Собери всё, до последнего кусочка, – тихо сказал Эдвард Сету.

Вампир и оборотень вместе прочесали всю полянку, время от времени подбрасывая в огонь небольшие куски белого камня» [«Затмение», глава 24-25].

У них много кланов в разных странах, их члены иногда носят имена древних богов, но самый могущественный клан Вольтури располагается в Италии, в замке Вольтерры: «Друзья Карлайла вдохновили Солимену, и он часто изображал их богами... Аро, Марк, Кай... – ночные ангелы-хранители науки и искусства» [«Сумерки», глава 16], да и сами Каллены относятся к так называемому Олимпийскому клану [«Рассвет»].

Оборотни у С. Майер тоже весьма примечательны.

Они превращаются в самых обыкновенных волков, только огромного роста, и делают это по собственному желанию (хотя Джейкоб упоминает, что есть оборотни, зависящие от лунных циклов):

«– А что бы случилось, если бы ты... сорвался? – шёпотом спросила я.

– Превратился бы в волка, – также шёпотом ответил Джейк.

– И полнолуние не нужно?

Джейк усмехнулся:

– Голливудская версия немного... привирает» [«Новолуние», глава 13].

Они принадлежат индейскому племени квиллетов и называют вампиров «белыми» и «холодными»:

«– Ещё есть истории про «белых», – чуть слышно продолжил Джейкоб, и я поняла, что он имеет в виду не просто представителей европеоидной расы.

– Ну да, их ещё называют «холодными»... Видишь ли, – продолжал он, – «белые» – наши исконные враги... Жить среди «белых» очень опасно, даже если они кажутся цивилизованными. В любой момент можно ждать подвоха – они проголодаются и поднимут бунт...

– Но кто они? – недоумённо спросила я. – Кто такие эти «белые»?

Парень зловеще улыбнулся.

– Кровопийцы! – леденящим душу голосом проговорил он. – Твои люди называют их вампирами» [Майер «Сумерки», глава 6].

Оборотни существуют, чтобы защищать людей от вампиров:

«— Белла, мы просто делаем свою работу. Пытаемся защитить людей... Даже существуем только потому, что есть они» [«Новолуние», глава 13].

Обращает на себя внимание тот факт, что С. Майер одной из первых объяснила непримиримую вражду между вампирами и оборотнями, о которой довольно часто упоминается в различных вампирских историях.

Как видим, отклонений от «канона» довольно много, и не все из них, на первый взгляд, объяснимы. Для того чтобы выявить закономерности необходимо обратиться к образам вампиров и оборотней в мировой литературе.

Происхождение названий вампиров и оборотней в европейской традиции. Начнём с истории слов. Вампиры и оборотни встречаются в преданиях всех без исключения народов с древнейших времён, и названия у них самые разные, но массовому читателю наиболее знакомы вампир (английское *vampire*, нем. *Vampir*, фр. *vampire*), упырь, вурдалак и оборотень (английское *werewolf*, нем. *Werwolf*, фр. *loup-garou*).

Слова вампир и упырь восходят к одному источнику – сербско-болгарскому слову *пирь* «дух, сосущий по ночам кровь у спящих людей». По А.Вайану оно возникло на сербской почве в XVI в., откуда в XVII-XVIII вв. было заимствовано европейцами, где и приобрело современный вид [7]. Таким образом, вампир – заимствованная европеизированная форма, а упырь – исконно славянская. Согласно наиболее вероятной точке зрения, *пирь* является производным от индоевропейского корня **per-*, к которому относятся слова *перо*, *парить*, *непопырь* «ночной летун» и др., и означает «мертвец, улетающий (т.е. убегающий) из могилы». В славянском фольклоре, кстати, вампиры изначально не пили кровь, а были просто блуждающими духами, вредящими живым. Интересно, что, согласно древнерусскому переводу греческого поучения Григория Богослова «Слово святого Григория изобретено в толцех о том, како първое погани сущеє язъци кланялися идолом...» (сокращённо «Слово об идолах»), древнейшим языческим культом у славян был культ упырей и берегинь: «Се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна бога их. А преже того клали требы упиремь и берегыням» [20], так что «вампирские истории» имеют прямое отношение к русской литературе и культуре в целом.

Слово *вурдалак* появилось в русском литературном языке благодаря одноимённому стихотворению А.С. Пушкина из цикла «Песни западных славян», а широкое распространение получило после выхода в свет рассказа А.К. Толстого «*La famille du vourdalak*» (Семья вурдалака). Это – книжное видоизменение южно-русского *волкодлак*, восходящего к церковнославянскому *Влькодлакъ* «волчья шкура навыворот; оборотень в волчьей шкуре» [7]. Интересно, что в стихотворении А.С. Пушкина «вурдалак» на проверку оказывается обыкновенной собакой:

Что же? Вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) –
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость. [19].

В.В. Иванов трактует это слово по-иному, возводя вторую часть композита к балтийскому пракорню **dlak-* «медведь» при лит. *lūkys* латыш. *lācis* [11]. Таким образом, *волкодлак* это «волко-медведь», т.е. мифическое существо, объединяющее в себе свойства двух самых сильных и почитаемых древними европейцами зверей. Верность подобного этимологического решения подтверждается наличием в германских языках имён, повторяющих данную словообразовательную модель: др.-исл. *Ulfbiorn*, др.-нем. *Wulfbero*, гот. *Berulfus*, а также распространённое обозначение медведя через волка: др.-англ.

beowulf «пчелиный волк; медведь» и русск. медведь при др.-исл. *miðvitnir* «волк-оборотень». У П. Мериме есть замечательный рассказ «Локис», продолжающий тему оборотней, название которого взято как раз из литовского языка, поскольку дело происходит на границе Литвы и России.

Русское слово оборотень кажется довольно простым, поскольку происходит от глагола оборачиваться, т.е. превращаться. Но данные русских говоров показывают, что оборотень – это, прежде всего, «безобразный, упрямый, сварливый человек», а также «человек, побывавший повсюду» [21]. Оборотливым обычно называют смелого человека, а оборотистым – ловкого [21]. Да и в русском литературном языке слово обёртка, производное от глагола оборачивать, указывает на то, что оборотни не превращались в зверей, а одевались в звериные шкуры, подражая им. Типологически на это же указывает актёрское выражение искусство перевоплощения и названия древнеисландских воинов – *ulfserkr* и *berserkr* «волчья и медвежья шкура».

Возвращаясь к пушкинскому «Вурдалаку», отметим, что вампиры, по преданиям, не только пьют кровь, но и обглаживают кости умерших. Слово кость тоже имеет прямое отношение к нашей теме, ибо в русском языке у него далеко неоднозначный смысл. Кость может обозначать фигуру, телосложение (крепкая кость), социальное происхождение (белая кость) и даже народ (русская кость тепло любит у Даля), а по свидетельству Е.Е.Голубинского в средневековой греческой церкви существовал обряд так называемого «второго захоронения». Через три года после смерти человека его тело выкапывали из земли и детально изучали. Если оно разлагалось, то кости омывали вином и водою, заворачивали в белую ткань и помещали в особый ящик (кимитрию), а затем заново хоронили. Если же тело оставалось нетленным, покойник признавался вампиром [7]. Отсюда пошло выражение перемыть кости в значении «убедиться, что человек не вампир, обсудить и установить тем самым истинные свойства и качества человека».

Как видно из приведённых примеров, вампиры и оборотни часто смешивались в народном сознании, при этом свойства одних переходили на других персонажей. В особенности это касается мотива высасывания крови. В немецких преданиях оборотнями могли становиться умершие колдуны, которые по ночам вставали в волчьем облики из могил и пили кровь людей. Этот момент мы разберём позже, а пока отметим, что этимологическое исследование названий вампиров и оборотней указывает на социальный и биологический подтекст данного явления: воины в звериных шкурах, вредные и сварливые люди, враждебные чужаки или представители высшей касты (мертвецы, белые кости). Показательно, что само слово упырь в русском языке обозначает скорее «эксплуататора-кровопийцу», а выражение он у меня всю кровь выпил (он мне всю кровь попортил) тоже не имеет прямого отношения к обычной крови. Эти факты заставляют обратиться уже не к этимологии, а к истории.

Биологические и социальные истоки вампиризма. Наиболее вероятным источником происхождения преданий о вампирах признаётся редчайшее заболевание крови порфирия. Согласно сайту Гематологического научного центра РАМН порфирии — это «группа наследственных заболеваний, в основе которых лежит нарушение биосинтеза гема, приводящее к избыточному накоплению в организме порфиринов и их предшественников, а именно, порфобилиногена (ПБГ) и δ-аминолевулиновой кислоты (АЛК). Избыток этих веществ оказывает токсическое воздействие на организм и обуславливает характерную клиническую симптоматику. Причиной подобного нарушения является мутация гена, ответственного за активность одного из ферментов, участвующих в многостадийном синтезе гема. По клиническому течению заболевания часто порфирии делят на острые формы порфирии и формы, протекающие с клиникой преимущественного поражения кожных покровов. В клинике острых порфирий доминируют тяжёлые неврологические

нарушения, затрагивающие все отделы нервной системы. Как следует из названия, для них характерно острое, реже подострое начало болезни. При поражении кожи преимущественно страдают участки кожных покровов, попадающие под прямые солнечные лучи» [Что такое порфирия? режим доступа: <http://porphyria.blood.ru/ctotakoe.htm>]. Страдающим порфирией необходимы инъекции гемоглобина, ослабляющие разрушительные симптомы, но в древности и Средние века это было невозможно, а потому больные пили огромное количество крови, так как гемоглобин через стенки желудка усваивается крайне плохо.

С другой стороны, возникновению поверий о вампирах как оживших мертвецах могли способствовать феномен летаргического сна и явления нарколепсии и каталепсии, иногда сопровождающие шизофрению. Последний момент наиболее важен, поскольку шизофрения (от греч. *σχίσσις* «раскалывание» и *φρήν* «ум», т.е. «раздвоение личности») представляет собой «группу психозов, при которых наблюдаются существенные расстройства личности, характерное искажение мышления, часто чувство воздействия посторонних сил, бред, который может быть причудливым, расстройства восприятия, аффективные реакции, не адекватные реальной ситуации, и аутизм обычно при сохранности ясного сознания и интеллектуальных способностей» [13]. Учитывая, что в начале XVIII в. по Европе прокатилась волна так называемой «вампирической эпидемии», связанной с многочисленными случаями смерти людей от истощения и потери крови, подобная версия выглядит вполне убедительной. Крайне тяжёлые условия жизни, вызванные бурным развитием капитализма, ростом эксплуатации и потерями, которые понесла Европа в результате инквизиции, а также глобальные конфликты, вроде Войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) и бесконечной борьбы Центральной Европы против турок, завершившаяся Венской битвой (1683 г.) и изгнанием турок из Венгрии и Трансильвании, негативно сказывались на физическом и психологическом состоянии населения. Подобной точки зрения придерживался итальянский учёный Джузеппе Даванцати (1665-1755), который одним из первых серьёзно изучил феномен вампиризма [12]. В своей диссертации «*Dissertazione sopra I vampiri*» (1744 г.) он отмечал, «вампирические эпидемии, которые охватили части Восточной Европы..., были результатом истерии и фантазии среди неграмотных и легковверных крестьян».

Война с турками за Трансильванию подарила миру и «главного» вампира всех времён и народов – графа Дракулу, красочно описанного в романе Б. Стокера «Дракула» (1897 г.). Прототипом его был Влад II Цепеш (1431-1476 гг.), жестокий правитель Валахии, боровшийся против Османской империи. Своё прозвище он получил от отца Влада I, и означало оно «сын дракона».

Примечательно, что сам Б. Стокер – по происхождению ирландец и никогда не был в Восточной Европе. Анализ его произведения показывает, что писал он под сильным влиянием ситуации в Ирландии середины XIX в., когда многие графства, в частности Клэр и Голуэй, были охвачены так называемым «картофельным голодом» (1845-1852 гг.). Доведённые до отчаяния люди пили кровь животных, чтобы хоть как-то выжить, а в ирландском фольклоре того времени появился голодный дух *fear gorta*, бродивший по дорогам и убивавший людей.

Ко всем этим факторам следует добавить и туберкулёз – весьма распространённое в капиталистическом мире заболевание, связанное с бедностью, нищетой и войнами. Это заболевание «делало кожу бледной, как мрамор, и заставляло жертв кашлять кровью. В разгар эпидемии целые деревни были инфицированы, и местные погосты были полны заражёнными трупами».

Подобная картина не раз наблюдалась в истории Европы. Развитие феодализма и резкий скачок технического прогресса, завершившийся созданием тяжёлого колёсного плуга и появлением крупных городов, привёл к массовым вырубкам лесов и осушению

болот под пахотные земли, что спровоцировало в конце XI в. тяжелейший экологический кризис, сопровождавшийся неурожаем, гибелью домашнего скота и эпидемиями чумы [3], которая также сопровождалась кровохарканием. Возможно, именно к этим историческим периодам и восходят поверья, что вампиром становятся после укуса другого вампира, когда ядовитая слюна попадает в кровь, и что вампиры боятся чеснока и серебра (известных с давних времён как антисептики).

Довольно легко устанавливается и происхождение других вампирских особенностей, но мы их не касаемся, поскольку для нас важно, что истоки фольклорных образов коренятся в материальной культуре и истории народов.

Биологические и социальные истоки оборотничества. Свирепые и коварные оборотни, которых мы знаем по американским фильмам, имеют общее с вампирами происхождение. Обращаясь к русской классике, можно вспомнить рассказ А.И. Куприна «Серебряный волк», где человек становится оборотнем после турецкого плена, а в уже упоминавшемся стихотворении А.С. Пушкина «Вурдалак» отражено поверье, что вампиры поедают трупы, и при этом «вампир» на поверку оказывается собакой. Кроме того, в средневековых преданиях и их современных интерпретациях (например, в фантастическом романе П. Андерсона «Три сердца, три льва») оборотни – это знатные люди, обитающие в замках и похищающие по ночам людей. Примечательно, что эти оборотни часто имеют железные когти и лица.

Волки-тотемы. Тотемизм представляет собой одну из древнейших форм первобытных верований, возникших на том этапе, когда человек ещё не выделял себя из природы. Само слово тотем происходит из языка оджибве алгонкинской группы и означает «его род». Североамериканские индейцы оджибвеи знамениты в европейской традиции тем, что именно на основе их мифологии Г.У. Лонгфелло написал «Песню о Гайавате» (1855 г.). Термин «тотем», введённый в научный оборот английским купцом и переводчиком Дж. Лонгом в 1791 году, обозначает совокупность верований, предполагающих кровное родство некоторой социальной группы с классом объектов окружающей действительности. Это могут быть не только животные и растения, но и неодушевлённые предметы, хотя чаще всего под тотемами подразумевают животных.

Отвлекаясь от мистических и сверхъестественных моментов данного верования, отметим, что в основе своей тотемизм, как и большинство элементов первобытной языческой мифологии, глубоко экологичен, поскольку родство людей и животных – это научный факт, из которого с неизбежностью следует необходимость бережного отношения к братьям нашим меньшим. Разумеется, древние понимали родство с животными несколько иначе, но суть, объединяющая современную науку и традиции и воплощённая в знаменитых словах Маугли «мы с тобой одной крови», от этого не меняется, делая тотемистические верования необычайно актуальными в условиях современного экологического и антропологического кризиса.

Особое место среди традиционных тотемов занимают волки, что неудивительно, учитывая своеобразие этих хищников и их роль в формировании и истории человечества. Одним из первых серьёзное внимание на волков обратил канадский зоолог Ф. Моуэт. В своей прочувствованной книге «Не кричи: «Волки!»» (1963 г.) он показал изумительные душевные качества волков, их ум и огромную роль в природе. Волки не так агрессивны, как пытались в своё время доказать люди, заинтересованные в истреблении хищников, у них есть свой язык, мало чем отличающийся от нашего, и даже чувство прекрасного (так, волки воют на луну не с какими-то особыми целями, а просто потому что им это нравится), а супружеская верность в волчьей семье встречается гораздо чаще, чем у людей.

Необычайно высокий уровень интеллекта волков отмечали многие исследователи [1], этой проблемой занимаются такие науки, как биосемиотика, этология, зоопсихология, и среди выявленных закономерностей особенно важно соотношение уровня интеллекта со степенью социализации. Данные эволюционной биологии показывают, что объединение в коллективы резко повышает адаптационные возможности животных и способность объективно анализировать реальность, выявляя системные закономерности, необходимые для выживания. Именно поэтому, например, в русском языке слова, обозначающие важные для человеческой жизни понятия, включают в себя «коллективную» приставку со-: совесть «совместное знание», сочувствие «совместные чувства», сознание «совместное знание», сомнение «совместное мнение», причём последнее слово указывает на принципиальную необходимость сверять свои убеждения с убеждениями окружающих. Как отмечал французский социолог Э. Дюркгейм (1858-1917): «Коллективные представления – продукт обширной, почти необъятной кооперации, которая развивается не только в пространстве, но и во времени. Для их создания множество различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли свои идеи и чувства, и длинные ряды поколений накапливали свой опыт и свои знания. Поэтому в них как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида. Отсюда понятно, почему разум обладает способностью переходить за пределы эмпирического познания» [9].

Сложная социальная структура волчьей стаи, их невероятно развитая сигнальная система (вой), а также потрясающие воображение методы охоты с долгосрочным планированием и распределением ролей привлекали внимание с древнейших времён. Сравнение же с методами первобытной охоты у людей навело палеозоологов на мысль, что волки сыграли определённую роль в становлении человеческих коллективов. Есть все основания полагать, что люди первоначально выполняли при волках роль охотничьих собак и только позднее «поменялись» с волками местами [Целлариус А.Ю. Я познаю мир. Хищные животные. – М.: АСТ «Астрель», 2007]. Открытие палеозоологов хорошо объясняет, почему во многих европейских традициях волк был символом социальной иерархии и власти вождя. Так, в «Слове о полку Игореве» русские князья постоянно превращаются в волков, а исторически княжеские плащи и шапки были оторочены волчьим мехом. У германцев волки покровительствовали воинам, и даже само слово воин предположительно связано со словом вой.

Изучение мифологии волков разных народов помогает объяснить, почему оборотням наряду с вампирами приписывали способность пить кровь людей. Так, в абхазском эпосе, сохранившем некоторые архаические черты, героя Арая после гибели воскрешают его тотемы – собаки (часто выступающие как окультуренные заместители волков). Они зализывают его раны, исцеляя его [11]. Таким образом, поздний мотив «волки пьют кровь» является искажённым мотивом «волки слизывают кровь, исцеляя раны» и не имеет ничего общего с вампиризмом.

Вообще, в древней традиции, не искажённой современным кинематографом и массовой литературой, волки – исключительно положительные звери, всегда приходящие на помощь людям (как в сказке про Ивана-Царевича) и воплощающие собой духов предков.

Культурно-исторический фон в романе С. Майер. Возвращаясь к странностям в описании вампиров и оборотней «Сумеречной саги», мы теперь можем уверенно сказать, что за ними должна стоять некая социально-историческая реальность, определившая отклонения от «вампирского канона». Перечислим ещё раз эти отклонения, следуя за героиней романа: скорость, огромная физическая мощь, непробиваемая кожа, мерцающая и переливающаяся драгоценными камнями в свете солнца, элитарность и утончённость,

обширные познания в науках и искусствах, бледные лица и штаб-квартира в Италии, а кроме того, извечная вражда с индейцами-квилетами, которые называют вампиров «белыми» и «холодными».

В этом описании без труда узнаются конкистадоры, завоевавшие в своё время Новый Свет, и шире – белые европейцы, колонизировавшие Восток. Проще всего интерпретируется бледность кожи, действительно слегка неестественная для краснокожих индейцев, смуглых индусов и арабов, и чёрных негров. Блестящая непробиваемая кожа – это стальные доспехи, которые часто покрывались замысловатыми узорами, а в конце Средних веков изготавливались по образцу модной одежды высшего света. Кстати, само словосочетание Высший свет (по-латыни Люкс), обозначающее правящую элиту, усиливает социальное звучание этого образа. Даже современных правителей часто называют небожителями и сравнивают с богами, а в древности любой царь, жрец и князь считался воплощением некоего божества.

Сравнительное языкознание показывает, что исторически богами назывались именно властители и господа, откуда самое распространённое обращение к божеству – господь (т.е. «господин»). Само слово господь «господин», попавшее в русский язык из старославянского, восходит к древнему индоевропейскому словосложению *ghosti-potis «гостеприимный хозяин дома» [15]. У древних индоевропейцев разделение на небесных бессмертных и земных смертных лежало в основе классификации людей [26]. Так что бессмертными власть имущих делала не природа, а сила, богатство и власть.

Сравнительное религиоведение не только подтверждает это положение, но и довольно чётко показывает, что все без исключения небесные иерархии духов, ангелов и божеств создавались и эволюционировали по образу и подобию вполне земных социальных институтов, а их светлость определялась местонахождением божественных обителей, которые были чаще не на небе, а на горах (вроде Олимпа) ближе к свету солнца, что определялось простыми стратегическими соображениями, поскольку укреплённое поселение на господствующей высоте позволяет эффективно контролировать окрестности. Опять-таки хочется обратить внимание на то, что обозначения господ и их окружения (высший свет, ваша светлость, ваше сиятельство, господствующее положение, господствующая высота) довольно ясно указывает на правильность подобных выводов.

Сила и скорость вампиров, а также их обширные познания являются художественными интерпретациями технологического превосходства европейцев над туземцами. Конкистадоры использовали конницу и огнестрельное оружие, которых не знали индейцы, а колонизаторы Азии и Африки имели в распоряжении мощные транспортные средства, поражавшие воображение местных народов. Как отмечает шведский путешественник Свен Линдквист, технический прогресс всегда подчинялся задачам военно-промышленного комплекса: мощные корабли нужны были для доставки завоевателей через море, железные дороги – для быстрого разграбления иных земель, и даже мирный архимедов винт стал основой нарезных ружей. Прискорбно, что знаменитая теория Ч. Дарвина, бросившая вызов религии, тоже была использована во вред людям: британские антропологи сразу занялись оправданием варварского истребления коренных народов Азии и Африки. Как писал У. Уинвуд Рид, «Мы должны научиться хладнокровно смотреть на подобный исход. Он иллюстрирует благотворный закон природы, который гласит, что слабые должны уничтожаться сильными», а другой антрополог, Ричард Ли, выступая на заседании Лондонского антропологического общества, заявил: «Мы, цивилизованные люди, лучше знаем, как использовать земли, которые долгое время служили непо потревоженным домом «чёрного человека». Приходит новая эра, которая преумножает все человеческие усилия. Волна европейской цивилизации поднимается над землёю. Благодаря своему моральному и интеллектуальному превосходству англосаксонская раса сметает прежних обитателей с лица земли» [14]. Любопытно, что

культурологи отмечают особую связь вампиров с техническими средствами: «даже будучи узаконенным, страх перед электромагнитной слежкой создает один из величайших шизофренических мотивов XX века: подозрение, что нечистая квазителепатическая сила использует транзисторные приемники, телевизоры, зубные протезы или микроволновые сигналы для того, чтобы поработить мозг и манипулировать поведением. Эти параноидальные подозрения обычно содержатся в историях об агентах КГБ, инопланетных зондах или экспериментах ЦРУ по контролю над сознанием. Эта светская мифология подходит для овнешненного электронного «я», открытого и доступного вниманию невидимых агентов, рыскающих повсюду в информационном пространстве. Но зарождение этого мотива может быть отнесено к самой заре телефонной эры, к 1870-м годам, когда Томас Уотсон встретил человека, который клялся, что двое известных ньюйоркцев подсоединили его мозг к своей телефонной линии для того, чтобы беспрестанно внушать ему разнообразные «дружеские пожелания и даже мысль об убийстве». Человек предлагал Уотсону срезать крышку черепа, чтобы электроинженер смог посмотреть, как работает эта штукавина.

Вряд ли будет ошибкой сказать, что эти сценарии электромагнитного контроля являются прообразом, старой демонологической аллегорией современных манипуляций СМИ и пропаганды. Их сущность остается тесно связанной с оккультизмом, с гипнотизирующими жертву призраками и месмерическими силами, которые уже присутствовали в электромагнетическом воображаемом. Персонажи «Дракулы» Брэма Стокера, опубликованного в 1897 году, постоянно сообщаются друг с другом при помощи телефонов, фонографов, телеграфов и печатных машинок. Сади Плантае поясняет: «Вампиры возвращаются в блестящий мир неуловимых коммуникаций и телевизионных скоростей» [8]. Последняя фраза прямо объясняет сверхскорости вампиров из «Сумерек».

Резиденция самого влиятельного вампирского клана в Италии тоже неслучайна. Италия, Рим с древнейших времён ассоциировался с глобальной империей, захватывающей обозримое жизненное пространство планеты: Первая Римская Империя, формировавшаяся вокруг Вечного города, Вторая Римская Империя Карла Великого, распавшаяся потом на Италию, Францию и Германию, и Третья Римская Империя – Третий Рейх. Подобное стремление Европы подчинить себе весь мир хорошо отражено в словах епископа тевтонского ордена из фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский»: «На небе один господь, на земле один его наместник, одно солнце освещает вселенную и сообщает свой свет другим светилам. Один римский властелин должен быть на земле. Всё, что непокорно Риму, должно быть умервщено!» Этим, на наш взгляд, объясняется и мёртвость вампиров, их бездушность и холодность. Бездушным называют в русском языке злого и жестокого человека, а та жестокость, с которой «цивилизованные» европейцы истребляли коренное население Африки, Азии и Австралии, потрясла даже передовые умы самой Европы, не говоря уже о туземцах, в глазах которых колонизаторы выглядели сущими демонами. Именно поэтому Оборотни в романе «Сумерки» и называют вампиров «холодными».

Интересно в этом свете рассмотреть и кровопийство вампиров. Под кровью во многих языках в широком смысле понимается сама жизнь и обеспечивающие её ресурсы. Очень часто действия колонизаторов описывались как самый настоящий вампиризм, причём в литературе, весьма далёкой от мистики и вампирской темы: «В Кот д'Ивуар, где выращивают основной урожай какао-бобов, большинство владельцев плантаций использует рабский труд... Система использования и контроля над ресурсами способствует сохранению этой системы. Как только человеческое сырьё оказывается отработанным, его отбрасывают прочь и заменяют новым: восьмилетний ребёнок в Кот д'Ивуар не стоит и тридцати евро. Погибает он обычно через пару лет, так что, кто пробовал какао, тот испил детской крови» [6].

Впрочем, некоторые контексты «Сумерек» показывают, что Майер хорошо представляет себе и средневековые истоки легенд о вампирах, о чём мы писали выше. Так, рассказывая о своём отце Карлайле, который в XVII веке, ещё будучи смертным, возглавлял охоты на вампиров, Эдвард замечает: «Он нашёл настоящих вампиров, которые жили среди нищих и выходили на охоту по ночам» [«Сумерки», глава 15].

Социальный контекст романа С. Майер. Проблема личного выбора. Кроме истории любви в центре романа «Сумерки» стоит проблема выбора. Главная героиня Белла Свон любит вампира Эдварда, но испытывает также неясные чувства к оборотню Джейкобу, который пытается завоевать её любовь и вырвать её из когтей «хладного демона». Всё это могло бы показаться обычным любовным треугольником и мелодрамой, если бы не культурно-исторический фон, рассмотренный нами выше. В какой-то момент Белла осознаёт, что ей необходимо стать вампиром. Своему избраннику она мотивирует это желанием быть с ним вечно, а также избавиться от своей человеческой слабости и самой защищать Эдварда, но на деле, как видно из контекста событий и её отношения к Джейкобу, Белла жаждет бессмертия и могущества. Если рассматривать вампиров как мифопоэтический образ современной элиты, то Белла желает войти в круг избранных, приобщиться к их преимуществам, на что уже обращали внимание некоторые литературные критики [17]. В этом кроется причина того, что многие юные почитательницы «Сумерек» мечтают о вампирах и упорно ищут их в жизни. Вампиры заменяют им сказочных принцев на белых конях, к тому же они бессмертны и всемогущи. По сути дела, роман С. Майер ставит перед читателем ту же проблему, что и «Властелин Колец» Дж.Р.Р. Толкина – проблему выбора между добром, которое понимается как верность своей природе и людям, и злом, заключённым в вечной жизни и уходе от людей; необходимостью довольствоваться малым и жаждой взять от жизни всё.

Заключение. В итоге мы видим, что роман С. Майер позволяет коснуться многих серьёзных вопросов и познакомить молодёжь с самыми разными сферами современной духовной жизни общества: историческим языкознанием, мифологией, философией и классической литературой; узнать об истории слов, о происхождении древних поверий, приобщиться к творчеству великих классиков литературы (А.С. Пушкина, П. Мериме, А.К. Толстого и др.) и даже поразмышлять над социальными проблемами современности и далёкого прошлого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л.М. Полярные сияния в мифологии славян. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. – 456 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Баландин Р. Цивилизация против природы. – М.: Вече, 2004. – 384 с.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 36. – М., 1954.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
6. Вернер К., Вайс Г. Чёрная книга корпораций. – М.: Ультра. Культура, 2007.

7. Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.
8. Дэвис Э. Техногносис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с.
9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996.
10. Зенкин С. Массовая культура – материал для художественного творчества: к проблеме текст в тексте // Популярная литература: опыт культурного мифотворчества в Америке и России. Материалы V Фулбрайтовской гуманитарной летней школы. Москва 30 мая – 8 июня 2002 г. – М., 2003.
11. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т.5: Мифология и фольклор. – М.: Знак, 2001. – 376 с.
12. Каррен Б. Вампиры. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
13. Клиническая психиатрия. – К.: Здоровья, 1989. – 512 с.
14. Линдквист С. Уничтожьте всех дикарей. – М.: «Европейские издания», 2007. – 192 с.
15. Лома А. Прасл. *gospodъ bogъ // Ad fonts verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот. – М.: «Индрик», 2006. – с. 186-193.
16. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – К.: Ника-Центр, 2003. – 432 с.
17. Мак-Махон Дж. Когда мечты сбываются // Сумерки и философия. – М.: «Юнайтед Пресс», 2010. – 271 с.
18. Платон, Диалоги. Книга вторая. – М.: Эксмо, 2008. – 1360 с.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977—1979.
20. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1994. – 608 с.
21. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т.22. – Л.: Наука, 1987.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 571 с.
23. Хэтто А.Т. Герои-калеки в героической эпической поэзии // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского / РГГУ. – М.: Изд-во «Российский университет», 1993. – 352 с.
24. Черняк М.А. Массовая литература XX в. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
25. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 208 с.
26. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и ист.-типол. анализ праязыка и протокультуры. - Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 1328 с., ил.